

Серета И. А. (Минск)

Тип «лагерника» в повести В. Маканина «Буква “А”»

В прозе Владимира Маканина рубежа XX–XXI вв. появляются новые типы героев, что обусловлено переменами в социуме в постперестроечную эпоху. Среди них тип «лагерника», под которым понимается обобщенный образ, складывающийся из черт и характеристик, присущих героям повести «Буква “А”» (2000). С одной стороны, это заключенные лагеря, а с другой – те, кто, получив физическую свободу, так и остались заключенными в душе. Слишком долго они были загнаны в строгие рамки, их внутренний мир подвергся необратимым изменениям, которые не дают им стать свободными и существовать как нормальные, адекватные люди.

В поведении персонажей четко выделяются два полюса: беспредельная жестокость одних и бесконечная униженность других. Так, образ лагерного педераста Еньки олицетворяет жалкость, зависимость, обреченность: «Эти трое солдат толкали, пинали Еньку по кругу. Падая, вяло попискивающий пидер пытался за одного, за другого ухватиться. В том и собачность сломленной психики. Пинаемый Енька лип к ним. <...> Собака, ищущая хозяина. Солдаты, скуластые сибирячки, потешались: “А хочется ему, видно!”» [2, с. 278]. Его, жалкого и женоподобного, себе в угоду «прикармливала» охрана, правда, до тех пор, пока зек не заболел туберкулезом. Впоследствии он стал им не нужен, и после попытки побега охранники всласть над ним поиздевались. Для контраста рядом с этой сценой В. Маканин помещает эпизод, в котором бунт зека Хитянина («сильно и зло он врезал солдату кулаком в подглазье»), заканчивается его гибелью: «Его ударили, разбили рот, нос, но Хитянин как-то отскочил, схватить себя не дал. Харкнул сержанту в лицо. <...> Опасный, опытный сержант уже целил с решающим ударом, а зек, безумно посмеиваясь, продолжал в них харкать. Густыми, один в один, красными плевками.

Но вроде бы он споткнулся, привстав на колено. И тут же – лоя подсказку – утершийся сержант ударил, как с бугра. Сапогом... <...> Железной подковкой. В открывшуюся сзади тощую поясницу. <...> Из глотки Хитянина вырвался распад неких последних звуков. Из его легких. Ему сломали спину» [2, с. 281–282].

Уже в начале повести появляется эпизод, свидетельствующий о наступивших переменах: в зековской похлебке неожиданно появляются кусочки говядины. Данное обстоятельство вводит «лагерников» в замешательство, наводит на подозрения, а впоследствии и вовсе интерпретируется зеками как средство стимуляции их жизненных сил и сигнал к противоправным действиям. Например, побег Вани Сергеева и

Еньки Шитова, по мысли зеков, был спровоцирован: «Может, говядина (много железа) и впрямь уже поставляла гемоглобин. А с ним энергию...» [2, с. 271]. Но впоследствии оказывается, что это не просто удачное стечение обстоятельств, и не тайный замысел руководства, это тенденция времени. В лагерной реальности уменьшается жестокость, причем, имеются и другие признаки происходящих перемен. Например, зеку Афонцеву помог охранник, когда тот возил землю на тачке: «Тачка вдруг сделала угрожающий крен, Афонцев напряг плечи, руки ... и тут ему помог солдат охраны. Метнувшийся, придержал вес тачки сбоку... Афонцев впервые за годы почувствовал рядом плечо охранника. Что за чудеса? (Сколько за эти годы было опрокинуто тачек, поломано рук и ног.) Случайность? <...> Отучившись связывать, мысль отучилась вникать. До этих случаев год за годом ничего не происходило. Стояла та бессобытийная тишь, когда в лагере, казалось, не двигался никто и ничто – ни даже время...» [2, с. 271–272]. После погашения бунта Хитянина зеки оказываются на игровой полянке, которая находится в межбарачном пространстве, «куда раньше зек и подумать не мог выйти» [2, с. 283]. Судя по всему, «запахло» волей.

В тексте есть не характерное для лексикона советских лет словосочетание «правовое поле». Это вовсе не ляп, поскольку «Буква “А”» не историческое сочинение о переходе от тоталитаризма к посттоталитарной действительности, а притчевое произведение. Главная тема повести – взаимоотношения власти и народа, переход от тоталитаризма к либерализации, к свободе, причем, отмечается явная сложность этого перехода для русских людей. Для трактовки можно использовать различные события такого рода в истории России, но более явно проступает здесь процесс горбачевской перестройки. Развитие событий в лагере, переход от поблажек к радикальным переменам, к готовности руководства разделять власть с зеками и, как следствие, смена режима – все это не похоже на советские лагеря, однако хорошо отражает социальные процессы перестроечной эпохи.

Идея выбивания таинственного слова с буквой «А» символизирует противостояние зеков беспредельной жестокости режима, подчиняющего себе каждую минуту их жизни. Слово является вызовом власти и свидетельствует о том, что «лагерники» все-таки способны сопротивляться: «С каждой выбоинкой на камне они, мол, теперь мало-помалу куда-то двигались. Продвигали куда-то в вечность свои сраные жизни. Свои застывшие серенькие судьбы» [2, с. 268]. Однако руководство не препятствует, поскольку данное проявление непокорства полностью под контролем, и большого вреда от этого нет. В смысловом поле произведения важно то, что само слово с буквой «А» забыто

зековскими жожаками. По Маканину, это явилось следствием повреждения их умственных (и других) способностей в условиях лагеря: «Хотелось выmaterить, а еще лучше – кому-то врезать. Душа просила. Если кого-то не выmaterить и не врезать, в эти дни освобождаемости становилось трудно общаться. Трудно жить... Не работать, не вкалывать трудно, а жить. Как-то стыдно. Слишком замечалось, что бедны душой. Что год за годом в тебе самом осталось только то и такое, чтобы выжить. Остальное фук! Остальное выдуло зимними ветрами за колючую проволоку. И дальше за сторожевые столбы – ищи в снежном поле!» [2, с. 295].

М. Амусин отмечает, что у зеков «есть готовность и воля к самостоятельному действию, есть понимание его спасительности – но направление, вектор приложения сил утеряны» [1, с. 364–365]. Они могут только бессмысленно действовать, пытаясь вспомнить слово: «Конечно, они вовсе не думали, что, буква к букве, вырубленное на скале некое слово выручит их или спасет. (Это ковырянье киркой? Этот упорно-туповатый долбеж по камню?..) Но даже урка Филя знал, что за буквой должна быть буква. Он не знал какая. Но он знал, что она есть» [2, с. 291].

По ходу повествования неоднократно возникает мысль, что буква «А» может принадлежать слову «свобода». Кроме того, «А» – первая буква алфавита, а в контексте повести – азбуки социальной свободы. Она достижима, если знаешь и помнишь все остальные элементы. Однако, следующие буквы «лагерниками» забыты. И это означает, что до подлинной демократии еще очень далеко. Однако в контексте повести автор так и не дает ответа на этот вопрос. Слово забыто, и зеки постепенно теряют интерес к своему бунтарскому проекту. Но поезд тронулся, процесс освобождения запущен, система жесточайшего тотального контроля и насилия рушится: «Зеки не знали (не могли знать) невнятицы последних полуприказов из далекой Москвы. <...> Высвобождение шло изнутри. Неостановимо» [2, с. 286]. Работать теперь нужно меньше, питание улучшается, а все потому, что в процессе разгрузки и распределения продуктов принимают участие сами заключенные: «перемены наконец-то коснулись святого для всех: распределения. Зеков востребовали. Как равных» [2, с. 294]. Наказания смягчаются. Но это высвобождение снаружи, во внешней жизни, внутри же у «лагерников» совершенно иная ситуация: «Но тем острее зеки чувствовали и понимали, как мало в них самих высвободилось. Бывшие урки и те понимали... Как мало высвободилось того, что только и стоило высвободить, – доверия к соседу по нарам. <...> И никакого напряжения. Только ждать. Сколько могли, вообще не работали.

Отлынивали. Станным образом это делало нас не добрее, а злее» [2, с. 295]. В повествовании от третьего лица вдруг появляется местоимение «мы», которое совмещает в себе сочувствие к зекам (и шире – к жителям страны, которую символизирует лагерь) со скептицизмом и горечью. Напряжение в бараках нарастает, так же как и взаимное напряжение между людьми. Все чаще становятся случаи ночного убийства и воровства. Но «в убийствах не было новизны. Напротив! Только так и открывалось их прошлое. Только теперь, при первых свободах, открылось наконец, как долго они жили (и как уже прижились) во времени, когда их жизни не стоили гнutoго ржавого гвоздя» [2, с. 302].

Оказывается, работа по выбиванию слова, даже бессмысленная и бесцельная, каким-то чудесным образом сплачивала зеков: «В слове есть (был) высокий смысл!.. Да, смысл этот был пока что им не вполне доступен. Смысл сложен. Но ведь это нормально, если человек (зек) хочет чего-то большего, чем он сам...» [2, с. 291]. Теперь ее недостает: «Мать вашу, не хлебом же единым!..» [2, с. 293]. Однако общей цели и деятельности нет, вместо них – «коллективная свободная встреча» с женским лагерем и массовое совокупление, которое создает лишь иллюзию истинного человеческого счастья.

По Маканину, в социуме, где ущемляются человеческие права, где нет законов и традиций общежития, там внешнее освобождение оборачивается анархией и хаосом. Это подтверждает кульминационная и в то же время заключительная сцена повести. Режим пал, начальство разбежалось, а зеки, ставшие в полной мере самостоятельными, начинают бессознательно крушить все вокруг. Сам процесс разрушения вводит их в состояние абсолютного счастья и, более того, побуждает к дефекации на руинах режима: «Афонцев, едва заслышав тяжесть кишок и пугающий позыв, тоже с удовольствием присаживался. Снова и снова. Там и здесь. Чтобы забыть и избыть. <...> Вскрикивая. Ликуя. И поворачивая лицо – вправо и влево к зекам (к бывшим зекам), сидевшим рядом с ним на корточках. Ему в ответ они, тужась, тоже радостно вскрикивали. Скакали битые редкозубые рты.

Их не заботило и им не болело, что павшие столбы и проволока – их столбы и их проволока. И что земля – их земля. Здесь была их боль. Здесь была их униженность. И пусть здесь другие, следующие живут, а мы загадим. А уж мы засрем. Облегчимся – и тем облегчим злую память» [2, с. 305–306]. Получается, русским людям свобода не на пользу, и они не знают, что с ней делать. И обязательно, по словам М. Амузина, «из оттепели, послабления, из отпускания выйдет конфуз и загрязнение среды обитания!» [1, с. 367].

Справедливое замечание делает один из героев, майор (замначлага), говоря о неожиданной свободе: «В каком-то смысле мы уже останемся в лагере. Все мы. За колючкой. Даже когда ее снесут. А наружу вылезут только чувства. Чувствишечки, неизбежно присущие запертым и кучно живущим людям. Мстительность... Ревность... Алчность...» [2, с. 295].

Таким образом, В. Маканин показывает, что герои оказались гораздо более скованными в моральном, духовном плане, нежели в физическом. Их рационально-нравственная составляющая деформировалась, причем настолько сильно, что они уже не могут действовать, думать и жить по законам нормальной человеческой жизни. Получив свободу, «лагерники» не представляют, как ею разумно пользоваться. Они «выпущены» на волю, в люди, тем самым создана явная опасность для социума. И это не может не настораживать.

1. Амусин М. Ф. Алхимия повседневности: Очерк творчества Владимира Маканина. – М.: Эксмо, 2010. – 448 с.

2. Маканин В. С. Буква «А» // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Материк, 2002. – Т.4 . – С. 265–306.